

ПЕТР АЛЕШКОВСКИЙ
СЕКРЕТИКИ

серия “Совсем другое время”

ПЕТР АЛЕШКОВСКИЙ
СЕКРЕТИКИ

РЕДАКЦИЯ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЕЛЕНА АСТ
ШУБИНОЙ МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А49

Оформление переплета АНДРЕЙ БОНДАРЕНКО

В книге использованы фото из личного архива автора, а также процитированы слова из песен М. Вершинина “Песня о Лумумбе”, Е. Долматовского “Школьные годы”, А. Прокофьева “Товарищ”, Е. Летова “Вершки и корешки”, А. Макаревича “Битва с дураками”, “Миром правит любовь”, “Наш дом”

Алешковский, Петр Маркович.

А49 Секретики / ПЕТР АЛЕШКОВСКИЙ. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2020. — 377, [7] с. — (Совсем другое время).

ISBN 978-5-17-121300-8

Петр Алешковский — прозаик, историк, автор многих книг, в том числе “Крепость” (премия “Русский Букер”), “Рыба”, “Арлекин”.

“Секретики” — непридуманный роман воспитания. Это книга о детстве и юности; взрослении, которое пришлось на 1960–1970-е годы: московские дворы и советская школа; подростковые бунты и семейные тайны, джинсы и пластинки “Битлз”... Автор исследует прошлое и “секретики”, положенные до времени под стекло.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-121300-8

© Алешковский П.М.
© Бондаренко А.Л., художественное оформление
© ООО “Издательство АСТ”

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Грибная молитва

9

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

“Мальчик-нет”

125

Я создан из того, что потерял.

Эмиль Мишель Чоран

Вот всё — я больше не желаю,

В душе моей цветет мой рай.

В. А. Жуковский.

Стихи, сочиненные в день моего рождения

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Грибная молитва

Яродился 22 сентября 1957 года в Москве, в Клинике акушерства и гинекологии имени В.Ф. Снегирёва. Почему маму отвезли туда, я не знаю, многие мои сверстники родились у Грауэрмана на Арбате, что среди коренных москвичей сегодня считается высшим шиком. Проезжая по больничному анклаву на Пироговке, я всегда смотрю на здание с колоннами, где впервые увидел свет. Перед ним вальяжно развалился в кресле бородатый основоположник российской гинекологии. Похожий на усталого Деда Мороза Владимир Федорович заслужил вечный отдых перед фасадом своего детища, став бронзовым памятником, каких в этом переполненном больницами районе Москвы больше, чем во всём остальном городе.

Родился я восьмимесячным и подарил маме тромбоз, из-за чего нас долго не выписывали, а маме еще и сделали операцию, после которой она какое-то время лежала на спине с подложенными

Во дворе Третьяковки

под ноги специальными подушками. Теперь, по прошествии шестидесяти лет, ходить маме всё тяжелее, ноги у нее болят, но, как водится у людей старой закалки, она ни на что не жалуется, таблетки принимает, советуясь с подругой-биологом, а в поликлинику обращается неохотно, только по острой нужде.

После выписки мы укатали на такси в Лаврушинский переулок, где в служебной квартирке в здании Третьяковской галереи (дед и бабка тогда там работали) и жила наша семья. По семейным преданиям, низенькая коляска на маленьких колесиках, похожая на ивовое лукошко-зыбку, с запеленутой мумией внутри выставлялась во двор неподалеку от огромных железных ворот — главного въезда на священную территорию Искусства. Там я мирно

спал между кормлениями, опекаемый огромным галерейским котом. Кот залезал в коляску и деликатно устраивался у меня в ногах, подобно египетскому Великому Коту Ра, победившему Апопа, змея тьмы. Он сторожил меня, олицетворяя собой радость, веселье, здоровье и жизнелюбие. К заигрываниям проходивших мимо людей он оставался при этом абсолютно глух, не замечая их вовсе. Но стоило мне обдудониться, Великий Кот высовывал усатую серую голову наружу и начинал настойчиво мяукать, призывая на помощь охранницу из проходной. Скучающая добрая тетка в синей полушерстяной гимнастерке с накладными карманами, стянутой в талии широким кожаным ремнем и перепоясанной слева направо португеей с блестящими заклепками, ждала этого сигнала. Заметив высунувшуюся из коляски вопящую кошачью голову, она снимала черную карболитовую трубку настенного телефона и набирала “АВ7-58-75” — номер нашей квартиры.

“Ваш мальчик описался, выходите, — сообщала она официальным голосом и добавляла триумфально: — Кот мяучит”.

Меня забирали домой, мыли над тазом теплой водой из высокого синего эмалированного кувшина с широким горлом, долив в водопроводную воду кипятка из чайника и размешав ее рукой, меняли пеленки и “делали гусеничку”, то есть туго запеленывали по самое горло. Затем меня кормили.

Ничего этого я не помню: ни Великого Кота, ни нестарой еще, строгой лишь с виду вохровки, ни житья в Третьяковской галерее, куда меня уже много позже привела моя любимая бабка Наталья Юрьевна

Зограф, хранившая коллекцию русского искусства второй половины XIX века и занимавшаяся Николаем Ге. Не помню и переезда на Беговую улицу, в кооператив художников, музыкантов и педагогов, где я живу и сегодня. Перевезли меня туда в возрасте полугода и, по воспоминаниям родных, тут же выставили всё в той же коляске на малюсенький полукруглый балкончик, глядящий на тогда уже шумную Беговую и на московский ипподром, расположившийся за линией домов на противоположной стороне.

Длинная беговая дорожка еще не была наполовину скрыта желтыми шестнадцатизэтажками “улучшенной планировки”, построенными в 1974-м — в год, когда я окончил школу. В детстве я прикидал к окну, наблюдая с облепившими забор зеваками, похожими сверху на роящихся мух, как на ежегодном ралли “Русская зима” лихо мчащиеся по льду “жигуленки” и “москвичи” зверски ревут, входя в поворот. Раз в году на трассу ипподрома допускались машины — “Волги”, “жигули” и “москвичи” с форсированными двигателями и усиленными кузовами, с наклеенными по бокам номерами и дополнительными фарами на решетке радиатора, превращавшими обычные легковушки в неземной красоты гоночные аппараты. Каждый из них имел собственное лицо и свой неподражаемый хриплый голос. Посреди поля разбивались походные лагеря — большие армейские палатки, тенты с трепещущими на ветру разноцветными вымпелами, микроавтобусы с яркими логотипами команд, машины сопровождения, зеленые грузо-

вики с запчастями и сменными колесами, красно-белые “рафики” “Скорой помощи”, бежевые “уазики” судейских, бело-синие автомобили гаишников, длинноносые допотопные “зилы” заправщиков с оранжевой цистерной вместо кузова, оливково-желтые грейдеры с широкими лопатами спереди и косыми отвалами посреди тяговой рамы, колесные трактора с прицепленными сзади боронами, готовые причесать разбитое покрытие перед очередным заездом, маленькие тракторишки-“владимирцы” с красными, как у подосиновиков, шляпками-крышами и круглыми вращающимися щетками. И люди, очень много мужчин, работавших на гонках, а еще зеваки, допущенные по благу в самое сердце ипподрома. От этого снующего и колесящего сообщества людей и машин, столь странного на обычно пустом ипподроме, возникало ощущение праздника. Шквалы ветра бросали в форточку обрывки бравурных песен, лившихся из громкоговорителей, расположенных на столбах по всему периметру беговой дорожки. Казалось, к нам в столицу заехал зверинец с гамадрилами и слонами или передвижной цирк лилипутов “Созвездие маленьких звезд”, обычно сторонящийся больших городов, и гонки — лишь затравка, преддверие чего-то грандиозного, доселе невиданного.

Весь день продолжались круговые состязания. Машины пролетали перед моими глазами, обдавая повисших на бетонном ограждении любителей ползаеть на дармовщинку фонтанами снежных брызг. К вечеру забор был залеплен комками снега, как после мощной косой метели, и из унылой бетонной